

Юлия
Надеждинская

НЕ ВСЕ ДЕВОЧКИ
РОЖДАЮТСЯ
ЦАРЕВНАМИ

18+

ЮЛИЯ НАДЕЖДИНСКАЯ НЕ ВСЕ ДЕВОЧКИ РОЖДАЮТСЯ ЦАРЕВНАМИ

Юлия Надеждинская

**«Не все девочки
рождаются царевнами»**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Наеждинская Ю.

«Не все девочки рождаются царевнами» / Ю. Наеждинская —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Книга «Не все девочки...» - это «сказки на новый лад» и сказочные анекдоты, которые еще до выхода книги в печать полюбились читателям в интернете.

© Наеждинская Ю., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Юлия Надеждинская

"Не все девочки рождаются царевнами"

Золушка

– Какая забавная чумазая мордочка! – воскликнула Добрая Фея, заглядывая через плечо малюющей что-то на холсте Золушки. – Кто это, дитя мое?

– Мой принц, – ответила сирота, потупив глазки. – Правда, мы похожи?

– Очень, – не скрывая разочарования, ответила волшебница, отодвигая в сторону ведро с сажей. – Так похожи, что даже страшно, что у тебя такие странные мечты о замужестве, детка. Принца надо рисовать яркими, насыщенными красками! Тогда и жизнь твоя будет яркой! Сказочной! А так – зола золой. . .

– Разве будет яркий человек жить с замарашкой, – грустно улыбнулась Золушка, слюнявя палец. – Влюбленные должны быть похожи. . . не ходом мыслей, так хотя бы цветом кожи. . . своего человека ты всегда разглядишь в толпе. На него больше не будет желающих. Он будет стоять посреди людского кишачего месива и ждать тебя. . .

И чтобы встретить такого, совсем не обязательно врать и наряжаться, не обязательно вновь переживать то потрясение, которое неизбежно случается, когда чары развеются, и ты предстанешь перед ним такой, какая ты есть – одинокая, чумазая, потерянная. . .

Золушка вошла во вкус и все говорила, говорила, говорила без умолку. . .

Поэтому и не слышала судорожных рыданий за спиной, которые издавала измазавшая себя сажей снизу-доверху добрая и очень впечатлительная Фея. . .

Ей тоже очень хотелось замуж. По любви.

Каждый раз к приезду Доброй Феи-крестной Золушка составляла для нее список своих самых заветных желаний: новые башмачки, фартучек, теплую шаль. . .

Но Фея упорно предлагала бедной девочке только старых, но богатых мужиков. . .

– Эй, постой-ка, крестная! – вытащила Золушка из бархатного помпадура кружевной пояс с подвязками. – А силки для куропаток мне на балу для чего?

А то, бывало, скосит Золушка вокруг забора коноплю, засушит на зиму грибов, истолчет в ступе мак для пирогов, а потом до утра играет на заднем дворе в принцессу: смеется сама себе, танцует со шваброй, разговаривает с крысами, усаживается в тыкву. . .

– А теперь слушай сюда, последний раз предупреждаю, – инструктировала Добрая Фея Золушку. – Шампанское на балу не хлестать! Анекдоты про деревенскую жизнь не травить! И, главное, запомни – это он должен позвать тебя замуж, а ты – убежать. А не наоборот, как это было в прошлый раз.

– Понимаешь, – обняла Золушка метлу и прижалась к ней чумазым лбом. – Ведь это совсем неважно, что на тебе было надето, когда проббили эти чертовы часы.

И как ты бежала потом, вся в слезах, и как в спину тебе лаяли собаки.

И как ты оправдывалась на заре перед крестной, почему ноги у тебя – две, а туфля на них – одна. Все это, действительно, неважно. А важно, какой след ты, бедная девушка, оставила в его душе. Если, конечно, он сохранился в ней, этот след.

Если, конечно, у него вообще есть. . . душа. . .

– А еще, милая крестная, – старательно выводила Золушка. – Ты даже представить себе не можешь, какое влияние на нашу женскую биографию имеет Его Величество Случай! Ведь признайся я тебе тогда, что не знаю значения времени, не умею носить каблуки и совсем неважно танцую, ты бы никогда не отправила меня на тот судьбоносный бал. И поэтому, когда часы стали бить, а платье рассыпалось в прах, все закричали, и я осталась посреди зала совсем одна, первое, что мне пришло в голову – бежать! Бежать отсюда, от него, от всего – куда глаза глядят! Бежать тотчас же, не раздумывая и не медля!

– Девушка, Вы туфлю, туфлю потеряли! – кричал мне кто-то вслед, когда я летела стремглав по парадной лестнице.

Но что-то неведомое в тот момент шептало мне: "Не бойся, милая Золушка, Принц, хоть и повеса, но порядочный человек. Поэтому туфлю он вернет".

– Ну и наконец, дитя мое, подумай, что же ты скажешь Принцу во время финального танца, чтобы он тебя запомнил? – деловито пролистала справочник по дворцовому этикету Добрая Фея.

– Извините, что я к Вам обращаюсь, Принц, но не найдется ли у Вас талера для бедной девушки? – жалостливо прошептала Золушка, складывая ладони «лодочкой». – Сами мы не местные, башмаки развалились, на тыкву нынче неурожай, в деревне – дератизация...

– А теперь, что касается твоей самопрезентации, – продолжала Добрая Фея, раскуривая мундштук. – Единственная тема, которую ты можешь поддержать – сельскохозяйственная. Будут говорить о цене на землю – молчи, вздыхай и морщи лоб. А вот разведут канитель об урожае пшена или гороха – смело подключайся!

А еще Золушка как-то уж очень мудрено объясняла себе, что такое свободный выбор.

– Возьмем, к примеру, мешок гречи, – рассуждала Золушка. – И мешок гороху. И проведем сравнительный анализ. По количеству крупинок в мешке – гречи больше, гороху – по количеству горошин – меньше.

По размеру горошина – больше, физических затрат на ее селекцию – меньше, поэтому и свободного времени у меня – тоже больше.

С гречей такого времени меньше, затрат – больше, но она намного полезнее гороху. Очень показателен в этой связи мачехин вариант – высыпать содержимое обоих мешков на пол и перемешать. После этого размер уже не имеет значения, полезность вылетает в трубу, а в свое свободное время тебя рвет за плетнем от запаха гречки (горошин-то – меньше!).

При этих словах Золушка доставала из-за печки начатую бутылку с самогоном, делала два глубоких глотка и резюмировала.

– Выйду замуж за пастуха.

А вечерами Золушка, отпустив прислугу, усаживалась писать мемуары.

Его Высочество надувал от удовольствия щеки. А Король с Королевой ходили на цыпочках и объясняли друг другу, мол, ну и что, что невестка не благородных кровей, зато как быстро втянулась во дворцовую жизнь! Вон, сидит, пыхтит, пишет... В один прекрасный день Королева не выдержала и осторожно выдернула из-под подушки Замарашки обшитую парчой пухлую тетрадопку.

– Каша перловая, рассыпчатая, – было написано на титульном листе. – Секреты приготовления. Берем крупу...

– А скажите мне, Ваше Высочество, – погладила Золушка меховое манто. – А кем Вы хотели быть, когда были маленьким?

– Маленьким-то?...Ммм...Королем! Я мечтал о далеких походах и настоящем коне! Сколько раз втайне от отца я пробирался на королевскую конюшню и воображал себя великим завоевателем!

– А когда немножко подросли? – разочарованно перебила Принца Золушка.

– О! Королем! Я мечтал надеть роскошную мантию, пойти на "Вы" с вражескими государствами, пополнить королевскую казну!

– Значит, и сегодня Вы мечтаете только об одном – поскорее стать королем, – затихла Золушка.

– Королем? Да, Боже упаси! – встрепенулся Принц. – Ненавистный дворцовый этикет, далекие походы, распри с вражескими государствами!..

– Тогда кем? Кем бы Вы хотели быть?! – удивилась Золушка.

– Маленьким, – прошептал Принц и, присев на корточки, горько заплакал...

– Я скажу Вам одну очень важную вещь, – с жаром говорила Золушка Принцу, до боли сжав тонкие пальцы. – Только Вы, умоляю Вас, не смейтесь! Дело в том, что никогда ранее я не испытывала к людям ничего подобного! У меня не было семьи, я выросла среди грязных кастрюль, носила старенькую одежду. У меня никогда не было книг и игрушек, поэтому я не могу равняться с Вами по ухоженности и образованности, но... у меня есть то, чего никогда не даст Вам ни одна женщина, живущая при дворе и выросшая в достатке и роскоши – это моя любовь!

Я люблю Вас, Ваше Высочество! Я люблю Вас так сильно, что иногда мне хочется кричать, что моя любовь может потеряться во времени и пространстве, и Вы о ней никогда не узнаете. Но теперь Вы знаете о ней и вольны принимать любые решения... Вы можете прогнать меня, можете взять к себе прислугой, можете высмеять меня при Ваших фрейлинах – я все стерплю...Только не забывайте, что я любила Вас. Возможно, когда-нибудь, когда Вы будете уже достаточно стары, и к Вам придет мудрость, Вы поймете, что самое лучшее, что могла дать Вам жизнь – внезапно, щедро и абсолютно бесплатно – это любовь бедной девушки с горячим сердцем...Золушка закончила говорить и отошла к стене залы.

– Что это было? – спросил ошарашенный Принц у своего Первого министра и вытер пот со лба.

– Пока не понял, Ваше Высочество, – отозвался министр, делая последние записи в блокноте. – Но у меня все записано. После бала займусь расшифровкой. Куда прикажете отправить нахапку?

Принц беспомощно покачал головой и, обессиленный, побрел вглубь замка.

– Ну, надо же, – зашипели придворные дамы. – Такая пигалица, а умеет произвести впечатление!

И только Золушка стояла в стороне и плакала: кроме любви, ей нечего было оставить о себе на память Принцу: она не послушалась Добрую Фею и явилась на бал босой...

– Понимаешь ли, дитя мое, – прикурила от камина Добрая Фея и выпустила носом кольцо дыма. – Я, сказать по правде, даже не знаю, что рассказать тебе о твоих покойных родителях... Когда умирала твоя бедная мать, лучшая в деревне белошвейка, я поклялась ей, что воспитаю тебя, как родную дочь, и успешно выдам замуж. Что, в принципе, я и делаю...

– А отец? – перебила взволнованная Золушка, поправляя фату. – Кто был мой отец?!

– Ах, да, у тебя же был еще и отец, – смяла сигару Фея. – Со слов твоей бедной матери, я узнала, что он был дровосеком.

– А когда мой папаша отошел в мир иной? Хоть это, я надеюсь, известно?

– Надеюсь, что кому-то это, действительно, известно... – вздохнула Фея, поправляя на крестнице колье с бриллиантами. – Только даже мое служебное положение не позволяло мне знать всех дровосеков в округе!

– Да, поймите же Вы, наконец, бессердечное чудовище! – неожиданно крикнула Золушка в лицо влюбленному Принцу и забежала по зале, заламывая руки. – Если Вам придет в голову на мне жениться – это конец! Это значит, что я никогда больше не вернусь на кухню! Никогда! Кто меня потом туда пустит?!

– Да, но позвольте Вам возразить, прекрасная незнакомка, – запинаясь, ответил Принц. – Дело в том, что во дворце у Вас будет другая кухня. Она невероятно огромная, с приличным штатом поваров и прочих слуг. Они отменно готовят.

Не пойму, из-за чего, собственно, Вам так кричать и убиваться?

– Ммм... Позвольте вмешаться, месье, – деликатно высунул морду из-под подола Золушкиной юбки крыса-кучер. – Дело в том, что у сироты там, за печкой еще с осени мешочек гречки припрятан. Надо бы распорядиться и привезти.

Мало ли какие катаклизмы грянут. Повстанцы. Революция. Голодомор...

– Ну и что, что туфлю потеряла, зато честь сберегла, – успокаивала себя Золушка, ковыляя по направлению к дому. – Обувь-то, она, что? Так, безделица! Поносил и выбросил. А честь для бедной девушки – половина приданого. Особенно, если вторая половина приданого – оставляет желать. А чего, собственно, мне еще желать? Фартучек я себе, по случаю, справила, башмачки на ярмарке купила, рукавицы купила, ухват купила, купила 20 м рогожи и новую метлу. Приедет, допустим, ко мне какой-никакой знатный вельможа свататься, а я – в полном порядке! С какой стороны ни гляди – хороша невеста! Рассудительна, скромна, упакована. В порочащих ее связях – не замечена. И так все 40 лет, что живет на свете, никем не замечена. (Всхлипнула). Все долгие 40 лет, что его, свет, коптит...

(Зарыдала).

– Лоска в тебе нет, – придирчиво оглядев Золушку при полном параде, сказала Добрая Фея. – Не женится на тебе Принц. Максимум, с туфель за тобой побегадет, пока пьяный. Здесь радикальные меры нужны! Вот тебе бейсбольная бита, клофелин и рулон скотча. Священника я пришлю.

Золушка так сильно хотела быть счастливой и так свято верила в магическую силу хрустальных туфелек, что переусердствовала в их изнашивании, стерла в кровь ноги. В итоге на бал пришлось ехать в шерстяных носках!

– Ой! Что это на тебе?! – в ужасе воскликнул Принц, увидав утром Золушку в фартучке, деревянных башмачках, опрокидывающей на пол ведро гороху.

– Что, что, повседневка, – небрежно махнула рукой новобрачная, собирая горошины в подол. – Так и ты не залеживайся! За дровами ехать пора.

И еще... давай-ка, снимай кальсоны! Я постирну!

– Так Вы говорите, что... любите меня? – спросил Принц пунцовую от счастья Золушку, когда туфелька пришлась ей впору.

– Да, – прошептала замарашка, промокнув краем фартука глаза.

– Мда... – озадачился Принц, стяхивая землю с колена. – И когда же Вы успели? Мы и виделись-то всего один раз.

– Я не знаю, – шмыгнула носом Золушка, доставая из кармана фартука вторую туфлю. – Крестная мне еще перед балом сказала, что ехать надо обязательно, потому что Вы еще не при делах, а вот я Вас уже люблю.

– Святые угодники! Как это?! – взмахнул руками Принц и нервно забегал по периметру кухни. – Всего раз только и виделись, а уже то плачет, то смеется, то клянется, что любит! Волшебство, да и только! Уверен, что-то здесь не так! И туфля эта хрустальная, которой дюжего гвардейца убить можно, ей по размеру пришлась! А если ловушка вся эта канитель? Если государственный заговор?!..

– Что делать будем? – деловито спросил Добрую Фею Крыса-кучер, ловко лавируя между парчовыми ботфортами Принца.

– Женить, – ответила Добрая Фея и, взлетев, со всей силы припечатала Принца по лбу. – Нам его психоделика теперь – до фонаря!

Пусть отрабатывает организационные расходы.

– А вот скажите мне, Ваше Высочество, – сложила Золушка ладошки «лодочкой» и прижалась носом к мраморной колонне. – А вот Вы... любите меня?

– В каком ухе у меня звенит? – неожиданно ослабился захмелевший Принц, наклоняя голову набок.

– В правом, – испуганно выглянув из-за колонны, ответила Золушка.

– Нет, – ответил Принц и повернулся к танцующим парам.

– В левом? – переспросила Золушка, забегая вперед него.

– Не люблю, – ответил Принц и пустился в пляс.

Золушка и не скрывала от крестной, что она – дурочка. Поэтому покорно соглашалась со всем, что предлагала ей Фея: платье из воздуха, туфли из стекла, крыса вместо кучера. Радовало одно, что после полуночи весь этот бардак с переодеваниями и перевоплощениями закончится, и она вернется в свою каморку. К просу, пшени и кастрюлям.

И плакала Золушка вовсе не от того, что карета превратилась в тыкву, платье - в рвань, а на ступеньках парадной лестницы осталась казенная обувь.

Напугала бедняжку многочисленная родня Его Высочества: Золушка быстренько перемножила в уме количество ртов и подлежащих тщательному перебору пшеничных зерен и решила, что, а ну-ка ее нахрен, эту свадьбу!

– Понимаете, Ваше Высочество! – вдруг с жаром заговорила Золушка, хватая за руки изумленного Принца. – Мое присутствие на балу было задумано неслучайно!

Скоро, совсем скоро дворцовые часы пробьют полночь, и все это (она показала на платье и диадему) исчезнет! И я исчезну – понесусь вниз по парадной лестнице, и Вы на время потеряете меня из виду. Но не это, не это – главное!

Я оставлю Вам на память хрустальную туфлю! Она будет стоять на самой последней ступеньке, чуть в стороне, и ждать Вас! Именно по ней, если верить заклинаниям Доброй Феи-крестной, Вы и найдете меня, Принц!

Искать Вы будете долго, а я буду долго ждать Вас. Возможно, пройдут годы. Вы состаритесь, и я стану совсем седой. Только Вы уж, пожалуйста, постарайтесь, найдите меня, найдите обязательно, потому что после чувства отчаянья – быть навеки потерянной, для женщины нет дороже награды, чем та, что ее наконец-то нашли. . .

– Уф, это, конечно, не диадема, но тоже улика существенная, – выдохнул Принц, поднимая со ступеней дворцовой лестницы хрустальную туфлю. – Что называется, для семьи, для дома. Надо бы послать вдогонку за беглянкой карету.

В одной туфле она далеко не уйдет. А какая была бы славная пара хрусталей для матушкиного буфета!

– Скажите, Принц, – умничала Золушка, слизывая с пальца сливочный крем. – А какая у вас любимая игра?

– Шахматы, – зевая, отвечал Принц, разглядывая в отцовский монокль танцующих фрейлин.

– Шах-ма-ты, – с удивлением повторяла Золушка, вытирая палец о платье. – А кушанье?

– Жареная куропатка с яблоками, – подмигивал Принц прислуге и щелкал пальцами.

– А время года? – не унималась Замарашка, хватая второй кусок торта. – Вешна?

– Послушайте, милая, – начал было хамить Принц, но его фраза потонула в диком визге карабкающихся на диваны фрейлин.

– Ижвините, Ваше Вышочество, – дожевывая бисквит, вдруг резко заторопилась Золушка. – Жа мной п*ишли!

На середину опустевшей залы вбежал, нервно подрагивая хвостом, запыхавшийся «кучер»...

– А у вас так бывало, Ваше Высочество, – пытала пунцовая от волнения Золушка Принца. – Бывало, что вы видели мужчину первый раз в жизни, но были абсолютно уверены, что только с его приходом и начнется в вашей никчемной жизни настоящее волшебство?

– Ну, с никчемной Вы, конечно, поторопились, мон шер, – поправил надушенное жабо Принц. – А в целом – сколько угодно раз!

– Правда?! – оживилась Золушка, делая резкий рывок ему навстречу. – И что же... как же вы поступали в таких случаях?

– В общем-то, – шарахнулся в сторону Принц. – Сценарий всегда был один и тот же: вмешивался мой батюшка, волшебство заканчивалось, так и не начавшись, а мужчина уходил... через черный ход.

– Ах, я так счастлива! – кружилась Золушка в танце. – Так счастлива, Ваше Высочество! Вы только не подумайте чего! Я умею быть благодарной! Я стану для Вас всем – хорошей женой, смыслом жизни, Вселенной!

– Сейчас еще пару кругов, целую ручки, и – в преферанс, – думал Принц, оживленно кивая в ответ. – Хотя...нет, еще один круг и – в покер!

А так как от дворцовой скуки шитье у Золушки получалось с каждым годом все лучше и лучше, вскоре каждый мало-мальски симпатичный мужик из числа королевских гвардейцев смог получить в подарок на Рождество пару новеньких льняных подштанников. И что примечательно – четко по размеру!

И уже выбежав из замка в полночь в одной туфле, Золушка вдруг решила переписать сценарий Феи-крестной, и босая, в чепце и фартуке вернулась на бал.

– Что с Вами, дитя мое? – удивленно вскинул брови Король, с трудом узнав в замарашке ту самую Прекрасную Незнакомку. – Вас обокрали?

– Ну что Вы, – смущенно улыбнулась Золушка. – Кто ж меня в родной деревне тронет! Вот, решила проверить Его Высочество на вшивость. Вернет он мне, такой демократичной, мою туфлю из божьего стекла или нет.

– Ух, ты! – восхищенно присвистнула Золушка, увидев в руках у Феи-крестной хрустальные туфельки. – Окись свинца! III класс опасности! Медленная, мучительная смерть! Эээ... Растолочь и подмешать?

– Дура! – огрызнулась Фея, полируя туфли. – Сначала брачный договор. Если что-то пойдет не так, то помни, что я тебе в приданое еще пять пар положила.

И лишь сбив себе ноги в кровь по дороге домой, Золушка поняла, что главное в жизни женщины – это удобная обувь. А все эти дворцовые интриги с беготней и замужеством – к чертям собачьим!

– Ах, нет! Оставьте, милая крестная, Ваши извращения! – увернулась Золушка от волшебной палочки Феи. – Сейчас, как обычно, Вы разведете меня на поездку на бал, а тем временем Ваши мыши вскроют королевский сейф, набьют тыкву золотыми червонцами, а мне вновь придется убежать нагишом через черный ход!

А еще Золушке очень хотелось спросить Добрую Фею, почему Принц – такой воспитанный, умный и великодушный – не может полюбить ее такую обычную – в рваненьком фартучке и стоптанных башмачках?

Зачем ему – наследнику престола – так необходим этот антураж с крысами?

На что Доброй Фее очень хотелось ответить бедняжке, что она и сама не в курсе, нахрена столько заморочек, одно знает точно – ТАК НАДО! Кому и зачем – ХЗ... Но против догмы не попрешь!

– А вот – убейте меня! Не хочу работать! – ковырялась Добрая Фея волшебной палочкой в горшке с геранью. – Нет никаких условий! Урожай собран, лавку с хрусталем фискалы прикрыли...А тут еще эта чертова дератизация!

Хотя, крестница, могу затолкать тебя в арбуз? И – под горку!

– Ну, уж нет! Эта вещица на балу явно лишняя! – вырвала Добрая Фея из рук Золушки швабру. – Никому не интересно где, как и при каких обстоятельствах ты научилась танцевать!

И еще одна деталь: запомни, ты не в сабо, отсюда – каблуками по паркету не стучать! Хотя... разобьешь туфли – поранишь ноги, а по группе крови он тебя быстрее найдет!

– А принцу скажешь, – набивала Добрая Фея корсет Золушки ватой. – Что на похлебке и кашах сидишь не от бедности, а диета у тебя такая – растительная. Поэтому все сложные углеводы на балу проноси мимо рта, чтобы с непривычки прямо там не околеть.

– Я тебе вот что скажу, детка, – стряхнула Добрая Фея пепел с гаванской сигары. – Не везет мне в последнее время с работой: то ли чары с годами стали ослабевать, то ли народ туповатый пошел. Вот и тебя предупреждаю: до 12-ти на балу не уложишься – нога может отвалиться вместе с туфлей...

– И еще, – обняла Добрая Фея плачущую Золушку. – Почему ты решила, что он не кинется тебя искать? Это мы, невидимые миру романтики, всегда рассчитываем только на то, что поддается логическому объяснению. А вы, люди – непредсказуемы! В ваших головах столько неосуществимых фантазий и всяческого сумбура, что одному только Богу известно, что вы предпримите в нужный для истории момент! Хотя (Фея поправила шапочку и уложила выпавший из-под нее локон), я спрашивала Его об этом... тут... на днях. Он тоже, бедолага, – ни сном ни духом...

– Не знаю, как у этого повесы с творческим воображением, успокаивала Фея-крестная рыдающую в голос Золушку. – Поэтому, пока чары окончательно не рассеялись, можешь написать ему письмо.

Золушка вскочила, вытерла вспотевшие от волнения ладошки о фартучек и уселась за стол.

– Милый принц, – написала она красивым, каллиграфическим почерком. Потом передумала и зачеркнула обращение. – Ваше Высочество. Так будет вернее.

– Ваше Высочество, – выводила она, убирая со лба прилипшие пряди. – Мы с Вами едва знакомы, поэтому через несколько насыщенных событиями дней Вы уже не вспомните ту робкую девушку в хрустальных туфельках, которая приглашала Вас танцевать...

Я совсем не надеюсь, что потерянная мной на дворцовой лестнице туфелька будет найдена Вами...

– Дребедень какая-то получается, – подумала она, зачеркнула два предыдущих абзаца и начала совсем не о том.

– Если честно, Ваше Высочество, – небрежно написала она, опираясь на спинку стула. – Мне и замуж-то за Вас не очень хотелось! Просто, выражаясь образным языком, пришла пора. А у нас в деревне – что за женихи? Так, расстройство одно! Глаз положить не на кого! А уж пьют-то! Мама дорогая!...Снова не то...Черт! Что же ему написать! Так, чтобы искренне и со смыслом?

Золушка скомкала лист, достала из-под буфета новый, стряхнула пыль и вывела четким, ровным почерком: «Слушай сюда, парень! Что касается разврата и вольностей там всяких, к которым вы в своих дворцах привыкли, сразу – забудь! Я девушка, хотя и бедная, но гордая!»...Нееет! Нет! Все не то!.. Что же ему написать?! Время же, время! Ай, ладно, катись она к черту, эта семейная жизнь!

Замарашка перевернула исписанный лист и написала размашистым почерком «Рецепт баварского пирога с луком и свиными ляжками»...

– Ну, все, время, – встрепенулась задремавшая было Добрая Фея, выхватила у замарашки лист, не читая, свернула его пополам и засунула за лиф. – Сегодня же отправлю...

– Как-то Вы...ммм...раздобрили, Ваше Высочество, – съязвили фрейлины, хихикая в атласные кулачки.

– Так это во всем она виновата, жена, – перекатываясь с трона на паркетный пол, улыбулся Принц, подавая Золушке руку и глядя на нее полными обожания глазами. – Кстати, а что у нас сегодня на ужин, дорогая?..

И вот, в 23.45 бедная Золушка, устав нервничать по поводу предстоящего побега из замка, решительно снимает роскошное платье, хрустальные туфли и какая-то еда предстает перед ошалевшим от такого зрелища Принцем.

– Понимаете ли, Ваше Высочество, – начинает она, прикрываясь тугими локонами, – через несколько минут чары рассеются, мое платье (рассеянно смотрит по сторонам) превратится в хлам, а туфли...

– Какие к черту туфли! – хрипит Принц, облизывая пересохшие губы. – Конец балу! Тьфу ты, дьявол! Балу – конец! Тушите свечи! Всех! Всех вон! (Хватая малютку на руки) Куплю! Куплю я тебе туфли, дитя мое! Не верю своим глазам! Мама! Папа! Господи! Спасибо! Это был лучший светский раут в моей жизни!

И прямо на балу у Золушки вдруг появилось самое сокровенное желание: чтобы все эти пляшущие, танцующие и орущие люди во главе с Принцем внезапно исчезли, и можно было бы, наконец-то, разуться, плюхнуться в мягкие кресла и нормально поесть...

– А ты там с превращениями ничего не напутала? Слышь, крестная? – занервничала Золушка, надевая на свою тыкву диадему.

– Чтобы быть счастливой, мне нужно совсем немного, – рыдала Золушка. – Прекрасного Принца – для здоровья, ведро сажу – для перевоплощений и мешок гороха – для полной занятости. А туфельки, так и быть, отдайте сестрам!

– Что ни принц – то неврастеник, – вздыхала возвратившаяся во дворец под утро загулявшая Золушка, выметая с персидских ковров осколки хрусталя.

– Но помни, что ровно в 12 часов пополуночи, если ты не перестанешь жрать на балу халявное шампанское, твоя физиономия превратится в тыкву! И тебе уже будет абсолютно фиолетово, что на тебе надето и какая на тебе обувь! – уговаривала себя Золушка...

– Слышь, крестная, а как же белье? – занервничала Золушка, опуская тяжелый кринолин на шерстяные панталоны.

– Вот те – здарсьте! – парировала Добрая Фея, надевая на мышью сбрую. – Зачем тебе белье, дурочка? Ты же на балу только до 12-ти! Обувь у тебя – дорогая, мордашка – глуповатая. Успех уже у нас в кармане!

– Ты на часы-то не смотри, дочка! – инструктировала Золушку Фея-крестная. – Где-то к полуночи Принц будет уже на рогах, ему, естественно, экзотики захочется. А тут – упс! – ты! В рубище и саже!

– Откуда у тебя фингал, дитя мое? – ласково спросила у возвратившейся с бала Золушки Фея-крестная.

– Она еще спрашивает, стерва! – огрызнулась замарашка, вытряхивая из подола крысучеру. – Что ж ты не предупредила нас, что в этом чертовом замке часы отстают?!

– А теперь то же самое, но помедленнее, – прижал Принц Золушку к стене. – Кто тебя ко мне подослал? С какой целью? К чему весь этот маскарад? Как вас пятеро влезло в тыкву?

Даже переехав во дворец, Золушка по-прежнему перебирала крупу по ночам...
И стыдливо вздыхала: «Привычка!».

И как же была напугана мачеха, когда спустя ровно месяц после свадьбы Золушка появилась на пороге дома с дорожным саквояжем в руках.

– Мать, заводи пироги! – зычно крикнула она прямо с порога, скидывая с ног золотые кожаные туфельки. – Я на побывку пришла!

– Так ведь медовый месяц только закончился, дочка, – приторно ласково, заматавшись по кухне, откликнулась Мачеха, доставая из-за печи решето. – Да, у нас и муки-то нет!

– А зачем нам мука? – хохотнула падчерица, доставая из сумки четверть самогона. – Нам бы соленьких огурчиков и миску маринованных грибочков!

– Так ведь ты раньше не пила, дочка, – засуетилась Мачеха, вынимая из буфета запылившиеся от времени бокалы. – А отец узнает?

– А отец узнает! – сложила «самокрутку» Золушка и поймала искру из печи. – Я раньше почему не пила? Потому что у меня половины королевства не было! А теперь у меня в брачном договоре поместье такое, поместье сякое, крепостные, имущество всякое! С такого-то богатства, мама, разве ж не запьешь?

– А как же муж? – озвучила последний аргумент Мачеха и полезла в погреб.

– А вот это хороший вопрос, мама... – неожиданно призадумалась Золушка и потушила сигарету. – Как же муж? Как же там мой муж, мама, будь он неладен! Где же мой муж? Где же я его оставила, мама? Помню, провожал, помню, гостинцы в карету складывал, помню, в карету сажал, за каретой бежал, потом, помню... лошади споткнулись... возница выругался... пылища поднялась... кровиха брызнула!.. Ооооо... так я теперь никуда не спешу. Это к тому, мама, что торопиться мне теперь некуда. Это ж надо (вставая), какая у нас теперь жизнь с вами начнется, мама! Страшно себе и представить! Королевство такое, королевство сякое, крепостные, имущество всякое! А на троне – я, в слезах и лентах... Однако ж, не было бы счастья... словом, задался денек!

Представила, как изменилась бы сказка, если бы Золушка – в духе братьев Гримм! – потеряла бы во дворце не туфлю, а голову!

Выбежал бы на крыльцо запыхавшийся Принц, заметил краем глаза, как вдалеке крысы уносят на себе гигантскую тыкву, посмеялся от души.

И только бы воротиться назад, как глядь – а на краю лестницы изумленно хлопает синими глазами женская голова...

Словом, сказке конец. Ибо душа – вон.

Узнав из добрых книжек, что она – плод чьих-то фантазий, Добрая Фея покончила с собой.

И мало кто знает, что благодаря стараниям Доброй Феи-крестной, невроз у бедной Золушки остался даже после удачного замужества: каждый раз, как только часы пробьют полночь, она вскакивала в супружеской постели, ощупывала себя, принца, проверяла карету под окном.

К пенсии Золушка наострилась выкладывать из проса, пшена и гороха монументальные полотна. И неделями сторожила свои шедевры от деревенских мышей. Но как бы ни старалась бедная женщина не спать по 3 суток, 1-й бал Наташи Ростовской грызуны все же успели сожрать.

Царевна Лягушка/ Василиса Премудрая

– А кто, разрешите полюбопытствовать, батюшка ваш?– третий час пытал царевич Лягушку, намертво зажавшую губами стрелу.

– Так я тебе и сказала, придурок, – думала та. – Ты сначала женись, а сказки...

Сказки – они потом будут.

А еще, заметив очередного, бредущего по зловонной жиже царевича, Лягушка поклялась себе, что на этот раз, невзирая на головокружение, легкую подслеповатость и радикулит, стрелу из болота она обязательно достанет!

Как ни крути – последний шанс!

– Твою мать! Стрельбище! – возмутилась Лягушка, хватая на лету очередную стрелу. – Ведь был же, был тихий затхлый водоем! Пока коронованные дураки свататься не повалили!

– Может, из боевого ее разок шмальнуть? – чертыхнулся Иван-царевич, увидев, кому досталась его стрела.

– Не нагнетай, царевич! – как могла, успокаивала Лягушка бьющегося в истерике Ивана. – Понимаю, история получилась неважная, но я для тебя – самый идеальный вариант! Посуди сам. Стреляешь ты плохо, папаша – придурок, сам, вон, не семи пядей... Сечешь? А, попади твоя стрела, скажем, на псарню? И все! Пошла династия! Сукин муж, сукин сын, сукины дети! То-то!

– А вот, возьму, и в такую влюблюсь! Не целуя! – с жаром воскликнул Иван-царевич, отбрасывая в сторону лук и стрелы.

И у Лягушки внутри похолодело...

– А когда умрет последний дурак, болото придется осушать, – с горечью произнесла Лягушка. – Что зря штаны просиживать!

– И какого же рожна ей нейдет, – с тоской думал Иван-царевич, наблюдая поутру, как располневшая на калорийных харчах царевна пытается влезть в лягушачью кожу.

– А в фас ты ничего, мордастенькая, – улыбнулся Иван-царевич Лягушке, утирая после поцелуя слюну. – И характер спокойный. Глядишь, уживемся.

– Начнем с того, сынок, что ты – не Петрарка! – выговаривал царь Ивану-царевичу. – Бумагу стихами марать – дело пустое. Девки нынче пошли неграмотные. Хочешь произвести впечатление – хлопни ее по заднице. Что значит – нету задницы?..

Это что ж, пятерня насквозь пролетает, что ль?

– Да, не торопись ты с женитьбой, Вань, – томно квакнула Лягушка Царевичу, вцепившись лапками в золотую пуговицу у него на рукаве. – Давай хоть погуляем сначала...

Вокруг сюрреалистично пузырилось болото...

– Иван...мммм...а можно мне задать Вам вопрос, который волнует каждую новобрачную? – облизывая пересохшие от волнения губы спросила Лягушка, прижимаясь скользким тельцем к Царевичу.

– Валяй, – отодвигаясь в сторону, ответил Иван, доставая из кафтана кисет с табаком.

– Даже не знаю, как спросить, – прилипла к кафтану Лягушка, вцепившись в него лапками. – Ну, в общем...я у Вас первая?

– Это смотря как посмотреть, – выпустил Иван струйку дыма, пытаясь оторвать земноводное от "одежи". – Жабы у меня и до тебя были, нет здесь никакой тайны.

А вот чтобы переодетые в царевен...никогда!

– Давай, проходи, сынок, садись, – разлил Царь-батюшка по бокалам остатки медовухи. – И кто тебе сказал, что папа будет ругаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.